

³ История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991. С. 192.

⁴ *Сметанин С. И.* История предпринимательства в России. М., 2004. С. 65.

⁵ *Думный В. В.* История предпринимательства в России. С. 114–155, 117–119.

⁶ История предпринимательства в России. Кн. 1. М., 2000. С. 230–231.

⁷ *Заозерская Е. И.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII века. М., 1953. С. 423–424.

⁸ *Любавский М. К.* Русская история XVII–XVIII веков. 2-е изд. СПб., 2002. С. 238.

⁹ *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. Л., 1989. С. 133; См.: История Отечества: люди, идеи, решения. С. 191.

¹⁰ *Динес В. А., Ткачев В. И.* История предпринимательства в России, IX — начало XX века. Саратов, 2011. С. 272.

¹¹ *Морозан В. В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2004. С. 28–30.

¹² *Ионичев Н. П.* Внешние экономические связи России (IX — начало XX века): История экономики. М., 2000. С. 109–110; История предпринимательства в России. С. 246.

Е. Д. Беспалёнок

ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУПЕЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ СМОЛЕНСКА В XVII–XVIII вв. *

Купеческая элита Смоленска формировалась и развивалась в XVII–XVIII вв. особым образом. Географическое положение Смоленска и внешнеполитические события оставили свой отпечаток на истории смоленского купечества в целом и на его богатейшей части особенно. Не входившие в привилегированные корпорации российских купцов, первостатейные смоленские мещане, тем не менее, имели опыт зарубежной торговли и торговые обороты, позволяющие сравнить их с московскими гостями.

Первой особенностью в хозяйственной деятельности смоленской купеческой элиты в XVII в. была торговля пенькой, которая являлась основным способом создания купеческих капиталов. Торговля пушниной и солью при этом была на втором плане. В Смоленске второй половины XVII в. ярко выделялась деятельность трех богатейших купеческих семей, представители которых служили бургомистрами. Это Любовецкие, Жданковы и Жуковы. Как позволила подсчитать приходо-расходная книга Смоленской таможи за 1673/74 г., в этом году обороты смоленских мещан, торговавших в Смоленске пенькой, достигли 25 974,2 руб., что составило 80,3 % от всех оборотов на смоленском пеньковом рынке. Тогда же братья Василий и Яков Ивановы дети Любовецкие явили пеньки на сумму примерно 5628 руб. Отец и сын Семен и Артемон Жуковы продали пеньки на 2650 руб. Тогда же пеньковые обороты торгового дома других представителей смоленской купеческой элиты братьев Моисея,

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №17-01-00217.

Емельяна и Ивана Жданковых составили 7938 руб. Таким образом, доля этих трех крупнейших торговых домов в пеньковой торговле мещан Смоленска составила 62,4 % (16 216 руб.)¹. Однако пеньковые обороты смоленской купеческой элиты тогда не достигли еще своего пика. В 1676/77 г. братья Любовецкие явили пеньки на 18 612 руб.² Следует отметить, что при этом крупнейшие смоленские торговые дома нередко выступали на рынке партнерами. Так, в 1673/74 г. еще один представитель торговой династии Жданковых — бурмистр Микифор Жданков сделал три крупных пеньковых явки совместно с братьями В. и Я. Любовецкими. При этом общий объем товара составил 3077 берковцев и 8 пудов пеньки чистой на сумму 11 225 руб. 30 алт. 5 д. Явки производились в марте, апреле и даже августе. Как направление отпуска товара указывалась Рига³. Самое большое количество пеньковых явок приходилось на зимние месяцы, когда в Смоленск из деревень приезжали скупщики-прасолы. Как правило, они привозили пеньку «половую». Затем она очищалась наемными работниками и доводилась до необходимого для продажи за рубеж качества. Представители смоленской купеческой элиты были на вершине созданной ими системы пеньковой торговли. То, что они управляли этим механизмом, понятно из челобитной смолян, поданной царю Алексею Михайловичу в 1673 г. по поводу несправедливого, как они считали, взимания таможенных пошлин. «Посылаем мы, сироты твои, по местечком и по селам своих прасолов покупать пенку в Смоленском уезде в местечках и в селех, и в тех селех твои... пошлинные откупы, и которую пенку прасолы наши у крестьян покупают и в твою... казну с крестьян пошлины с того товару берут по 10 денег с рубля и в Смоленску... на нас... в казну с того жи товару берут другую пошлину по 10-ти ж денег с рубля, а зарубежскую пошлину на нас сызнава берут ж... Вели, государь, с тое пенки, которую покупает у крестьян, в свою... казну брать одну пошлину»⁴. Первым в челобитной значится рукоприкладство Василия Любовецкого, не только торговавшего вместе со своим братом Яковом пенькой, но и служившим по выбору таможенным головой в Смоленске. Не только за свое желание изменить порядок взимания таможенных пошлин, но еще более за попытку применить этот новый порядок на практике он был отставлен от службы. Присланный на его место из Вязьмы М. Блудов столкнулся с трудностями во взимании пошлин со смоленских торговцев, что заставило его бить челом царю. Со своей позиции он видел пеньковую торговлю в Смоленске так: «Да ведомо ж тебе, гдрю, чинют все смоленские бурмистры и мещаня — дают они свои денги на пенку смоленским же мещаном и дарогобужским и рословским мещаном и смоленским пушкарям и волосным розным крестьяном по дрвням прасыл. И тою пенку они, мещаня и пушкари и крестьяня, к ним, бурмистром и мещаном, привозят. А пошлин великого гдря с крестьянской продаже и вашчево и пере[купных] с пенки пошлин не плачевали. Потому, гдрь, они, бурмистры и мещаня, сказывали мне наден: великий гдрь и пожаловал, что мы, которым своим прасылам дадим на пенку денги, и с тех прасылов пошлин брат[ь] не велено. И о том есть де у нас великого гдря грамота. А за рижской отпуск и за пен[ьку] они платят зарубежные пошлины в Смоленской таможене по десяти денег с рубля ефимками, ефимок — по пол-

тине»⁵. При этом он пожаловался на В. Любовецкого: «А называл он, Василий, меня: “невесть ты голова, невесть ты целовалник, невесть ты верной. Коли бы ты был целовалник или голова, и ты б у грамоте написан был, чем тебя зват[ь]”»⁶. Понятно, что Любовецкий не хотел уступать Блудову место таможенного головы. И причиной этого, как можно предположить, были не только личные амбиции, но и желание сохранить в своих руках средства управления механизмом пеньковой торговли на благо всего купеческого сообщества Смоленска.

В Смоленске XVII в. торговля пенькой, ориентированная на европейский рынок, послужила формированию довольно ранней специализации, как в сельском хозяйстве западнорусских уездов, так и в торговле смолян, а также способствовала складыванию корпоративного сознания смоленского купечества во главе с его элитой.

Торговля пенькой оставалась основным способом развития капиталов купеческой элиты и на протяжении всего XVIII в. При этом во второй половине XVIII в. на второе место после пеньки выдвинулся новый для крупнооптовой торговли Смоленска товар — хлеб.

К концу первой четверти XVIII в. изменения произошли и в составе смоленской купеческой элиты. По материалам I ревизии из 27 смолян, занимавшихся «отъезжим» торгом в другие города, только 10 человек были потомками старинных смоленских мещан, причем только двое из них были потомками смолян, о которых известно по документам XVII в., что они занимались торговлей в то время. Аналогичная картина была и среди лавочников, которых всего было отмечено 79. Из них только 32 были потомками старинных смоленских мещан. Столько же человек были выходцами из военно-служилого населения. При этом обращает на себя внимание категория отставных солдат, из которой вышли одни из самых богатых купеческих династий Смоленска XVIII в. Это Пискаревы, Щедрины и Никитины⁷. Согласно «Ведомости, учиненной в Смоленском губернском магистрате...», в 1764 г. эти и другие смоленские купцы 1-й гильдии — А. Ф. Сисоев и Я. П. Родионов — производили торг «к Рижскому порту водяным путем пенечным и хлебным товаром» на сумму от 20 до 50 тыс. руб. в год. При этом «Федор Кирилов з детми Федором и Филимоном» Щедрины продавали за год пеньки и хлеба на 50 000 руб., И. Б. Пискарев — на 40 000 руб., «Стефан Никитин з детми Костентином и Иваном» — на 20 000 руб.⁸ Еще четыре купца, отнесенные в ведомости 1764 г. ко 2-й гильдии, — И. Менчуков, Ф. Нашивакин, С. Головкин, В. Хлебников — продавали в год пеньки на 10 000 руб.⁹ Помимо крупных торговых оборотов, они имели и другие признаки, позволяющие отнести их к купеческой элите. Это служба в магистрате, высокая общественная активность, участие в индивидуальном храмостроительстве. Таким образом, годовые пеньковые обороты (вместе с хлебом) 15-ти человек, которых можно отнести к элите, составляли 210 000 руб. Остальные же 27 купцов, производившие торги «пенечным и хлебным товаром к Рижскому порту водяным путем», имели обороты, составлявшие в сумме 73 000 руб.¹⁰

Как и в XVII в., во второй половине XVIII в. в торговле пенькой действовал слаженный механизм. Высокие обороты представителей элиты обеспечи-

вали 75 купцов 3-й гильдии, «скупающие в Смоленску на торгах пенку и разную хлеб»¹¹. Как и в XVII в., купеческая элита Смоленска второй половины XVIII в. защищала свои корпоративные интересы, но при этом объектом заботы первых купцов было и все остальное купечество города. Доказательством этого является, например, инициатива представителей купеческой элиты, направленная на создание смоленской торговой компании в 1778 г. Тогда, наряду со многими другими, были продуманы меры по поддержке небогатого купечества.

На особенности хозяйственной деятельности смоленской купеческой элиты оказало влияние владение землями и крепостными на мещанских дачах — практически до отмены крепостного права. Эта привилегия имела глубокие исторические корни, связанные с пограничным положением Смоленска, и давалась жителям города разными правителями — литовским князем Витовтом, великим князем Василием III, польским королем Сигизмундом III, царем Алексеем Михайловичем. При этом главным мотивом этих правителей было не соблюдение какой-то исторической традиции, а желание обеспечить лояльность жителей мощного оборонительного центра на границах — западных или восточных — своего государства.

Следует отметить, что мещанские дачи на расстоянии семи верст вокруг Смоленска были пожалованы всем мещанам города. Но со временем представители купеческой элиты, несмотря на сопротивление основной массы мещанства, стали единоличными владельцами этих земель. Уже материалы I ревизии обнаружили это явление. Так, Федор Жуков, сын бурмистра и одного из самых богатых купцов Смоленска XVII в. Степана Жукова, жил в своей деревне в семи верстах от города. Рано лишившийся отца, Федор, по-видимому, не приобрел предпринимательских навыков и, вероятно, был разорен. Он продал трех своих крестьян смоленскому мещанину, после чего у него остались только работник, пришедший из-за литовского рубежа, да вернувшийся из бегов «крепосной ево человек»¹².

Согласно ревизским сказкам I ревизии, потомок богатейшей династии Жданковых — Яков Жданов (в начале XVIII в. из фамилии исчез уменьшительный суффикс) — владел на мещанских дачах двумя дворами с крепостными. Один из них — в деревне Василевщина в шести верстах от Смоленска с шестью душами мужского пола. В другом дворе в одной версте от города «над речкою Шкленою» проживало девять крепостных дворовых людей с семьями и три наемных работника Якова Жданова. При этом сам владелец успешно занимался торговой деятельностью¹³.

Присвоение представителями купеческой элиты мещанских земель вокруг Смоленска продолжалось и во второй четверти XVIII в. Так, Б. З. Пискарев, бывший солдатский недоросль, записавшись в смоленские мещане, стал владельцем крестьян в нескольких деревнях на мещанских дачах — Стабне, Визавне, Жабиной¹⁴. Старший сын Б. З. Пискарева И. Б. Пискарев — не только богатый торговец пенькой, но и президент губернского магистрата, депутат Уложенной комиссии 1767 г. — владел частью деревень Стабна и Визавня, а также деревнями Игнатовщина и Кирсановщина. Данные исповедных ведомостей смоленских церквей за 1769 г. свидетельствуют о том, что только

в трех деревнях И. Б. Пискарева — Визавне, Кирсановщине и Стабне — проживало 132 человека обоего пола (74 крестьянина и 58 дворовых)¹⁵.

Новые представители купеческой элиты использовали землю более эффективно, чем большинство потомков богатейших купцов XVII в. Они устраивали на ней мануфактуры. Особенно это было заметно во второй половине XVIII в. При этом в отличие от других недворян смоленские мещане не были лишены, в силу известного указа от 29 марта 1762 г. «о непокупке деревень к фабрикам и заводам»¹⁶, права покупки крепостных крестьян. Согласно купчей, сохранившейся в фонде Барышниковых, смоленский мещанин А. Ф. Сисоев купил у отставного полковника И. П. Куроша «крестьянского сына Дорогобужского уезда... сельца Яковлева Наума Филиппева сына Сулимова 14-ти лет». Сделка состоялась 16 апреля 1768 г.¹⁷ Представители смоленской и вяземской купеческой элиты А. Ф. Сисоев и И. С. Барышников были хорошо знакомы. Эта покупка могла быть сделана смолянином для вяземского купца, не имевшего привилегий.

В 60-х гг. XVIII в. внук солдата и сын одного из самых богатых людей Смоленска Ф. Ф. Щедрин владел купленной у полковника М. Челищева деревней Дубровинка в Бережнском стане Смоленского уезда. В этой деревне было 29 дворовых людей и 46 крестьян обоего пола от 1 до 94 лет¹⁸. Смоленские купцы Щедрины, Пискаревы, Никитины и другие представители элиты были единоличными владельцами деревень на мещанских дачах в окрестностях Смоленска.

Наличие своих деревень и крепостных крестьян, отличавшее смоленских мещан от основной массы российского купечества, облегчало им заведение мануфактур. Но владение мануфактурами было характерно только для представителей немногочисленной купеческой элиты. При этом наличие у купца мануфактуры освобождало его двор от военных постоев и значительно повышало статус самого владельца.

В июле 1761 г. один из самых богатых и известных купцов Смоленска И. Б. Пискарев получил разрешение из Мануфактур-коллегии на заведение мануфактуры: «Ему, Пискареву, в собственном ево доме в городе Смоленске, или где занаиспособнее усмотреть может, делания парусных, фламских и протчих полотен фабрику завести и производить позволить. И для наилутчаго оной размножения... купить ему крестьян з землями и без земель двести душ, а женска полу — сколко при них обретатца будет... В доме ево, где та фабрика производитца будет, по силе 1728 году указу, постою не ставить, и от полицейских служб, в силу 1736 году генваря 7 дня указу, уволить»¹⁹. В ведомости Мануфактур-коллегии о мануфактурах 1763 г. сообщалось: «Он же, Пискарев, обнадежен ея императорского величества высочайшею милостию, что та фабрика, пока им содержана будет в добром порядке, у него и у наследников ево отнята и другим никому отдана не будет. И с положенного в ту фабрику капиталу, в силу оной колеги регламента, 16 пункта, никаких податей, ни десятой денги, кроме настоящих поборов, иных накладок не будет. И ниже что малое в их потребностях какое повреждение учинится, разве самая какая важная притчина из них показана будет или сам в состоянии оной содержать не будет»²⁰.

«Пискаревская фабрика» была расположена в семи верстах от Смоленска на вотчинной земле И. Б. Пискарева. Мануфактура «на восемь станов» дала первую продукцию в апреле 1763 г. Это были 415 кусков парусных полотен по цене 7 руб. 50 коп. за кусок. Большая часть парусины — 360 кусков — была отправлена за рубеж через Рижский порт²¹. В дальнейшем, развивая свою мануфактуру, Пискарев нанимал специалистов из Москвы и Калуги²². Вероятно, неквалифицированную работу на «фабрике» выполняли крестьяне Пискарева.

Младшие братья И. Б. Пискарева — Семен и Матвей — получили после смерти отца в наследство часть деревень Визавни и Стабны и деревню Жабино. В Жабиной была организована шляпная мануфактура с двадцатью работниками, владелицей которой стала мать подростков — Ф. Д. Пискарева. За ней числилось 14 дворовых — в Смоленске, а в деревнях Визавня и Стабна — до 40 душ дворовых и крестьян обоего пола²³. Став взрослыми, Семен и Матвей Пискаревы перенесли мануфактуру в Смоленск к восточной стороне крепостной стены. В начале 70-х гг. XVIII в. на мануфактуре работало «мастеров — 2, чесальщиков — 2, шерстобоев — 2, для стрижения зайцов — 2, в простых работах — 2». Из описания мануфактуры видно, что «в ней строения, где производитца мастерство, 2 светлицы деревянных — в длину на 2, в ширину — на 6 саженой, на каменном фундаменте. Для клажи шляп и материалов — два анбара деревянных. Из них первой — в длину и поперек на 5, второй — в длину на 5, в ширину — 1,5 сажня. Кухня для чернения шляп и варения красок — в длину — 5, в ширину — 2 сажня». В свое шляпное производство братья Пискаревы вложили капитал в 6000 руб. При обследовании мануфактуры смоленской губернской канцелярией в 1774 г. «фабрикант Матвей Пискарев объявил, что на той фабрике купленных и приписных людей нет, и работу шляп производят, как выше значит, крепостные, доставшиеся после смерти отца их, мещанина Бориса Пискарева, люди». Производство шляп из заячьего пуха и поярковой шерсти было рассчитано на внутренний рынок²⁴.

На своей земле на мещанских дачах держал свою шелковую мануфактуру и бургомистр Смоленска С. Никитин. Однако по данным 1764 г. у него имелось всего 11 душ дворовых и крестьян. Все они были приобретены в разное время у мещан и шляхтичей²⁵. Ведомость 1780 г. «О фабриках и заводах, состоящих Смоленскаго наместничества в городах и уездах» содержит сведения о мануфактуре Стефана Никитина и его старшего сына Константина. Это была «шолоковая фабрика на 12 станов», которая расположилась «в уезде... от города — 7 верст, от Санктпетербургской дороги — 40 сажень»²⁶. По размерам мануфактуры видно, что для работы на ней крестьян Никитина было недостаточно. Можно предположить, что средства на приобретение и содержание мануфактуры появились у отца и сына Никитиных после женитьбы Константина в 1768 г. на внучке Ф. К. Щедрина и дочери президента губернского магистрата Ф. Ф. Щедрина, умершего вскоре после свадьбы дочери, не оставив наследников-сыновей²⁷. Наследство дочери одного из самых богатых людей города, вероятно, и сделало возможным приобретение Никитиными шелковой мануфактуры. В любом случае, сведения о мануфактуре С. Никитина встреча-

ются впервые в документах 1770 г. Это метрическая книга смоленской Крестовоздвиженской церкви, где упоминается рабочий «фабрики» С. Никитина.

С. Никитин, основатель новой купеческой династии Смоленска, как истинный представитель купеческой элиты построил рядом со своей мануфактурой на свои средства церковь. Дело отца по устройству церкви и содержанию мануфактуры продолжил К. С. Никитин.

В итоге следует отметить, что исторические особенности развития Смоленска повлияли на формирование особенностей хозяйственной деятельности купеческой элиты города. В торговом предпринимательстве самых богатых купцов Смоленска преобладала торговля пенькой за рубеж, за счет которой купеческая элита получала доходы, сопоставимые с доходами гостей, а позднее — первогильдейских купцов Москвы. Присвоение купеческой элитой мещанских земель вокруг Смоленска в конце XVII — первой половине XVIII в. способствовало, с одной стороны, превращению представителей следующего поколения в заурядных помещиков, а с другой — давало возможности для заведения мануфактур. Особенно успешной была предпринимательская деятельность новой купеческой элиты середины и второй половины XVIII в., большинство представителей которой являлись потомками отставных солдат, служивших в Смоленске.

Примечания

¹ Подсчеты сделаны по материалам смоленской таможенной книги 1673–1674 г. (РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. Кн. 12. Ч. 1. Л. 1–283).

² Митяев К. Г. Обороты и торговые связи смоленского рынка в 70-х годах XVII века // ИЗ. Т. 13. М., 1942. С. 70.

³ РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. Кн. 12. Ч. 1. Л. 163, 179 об., 219 об.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 65. Л. 10, 18.

⁵ Там же. Л. 16, 17.

⁶ Там же. Л. 17.

⁷ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3238.

⁸ Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/48. Л. 90.

⁹ Там же. Л. 90 об., 91.

¹⁰ Подсчитано по материалам: РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/48. Л. 90–91 об.

¹¹ Там же. Л. 92.

¹² Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3238. Л. 466, 466 об., 514 об.

¹³ Там же. Л. 13 об., 503 об., 504.

¹⁴ ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 1069. Л. 19 об.; Д. 1071. Л. 5 об.; Оп. 1. Д. 343. Л. 50.

¹⁵ Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 1044. Л. 29 об.; Д. 1069. Л. 17 об.–18, 19 об.; Д. 1071. Л. 5.

¹⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т. 15. СПб., 1830. № 11490. С. 966.

¹⁷ ГАСО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

¹⁸ Там же. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1045. Л. 91–92; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3264. Л. 55.

¹⁹ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 10325. Л. 1, 1 об.

²⁰ Там же. Ф. 277. Оп. 3. Д. 216. Л. 202 об.

²¹ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 953. Л. 65; Ф. 277. Оп. 3. Д. 217. Л. 98 об., 99.

²² ГАСО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 342. Л. 177, 198 об.

²³ РГАДА. Ф. 277. Оп. 2. Д. 1783. Л. 4 об.; ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 1069. Л. 19 об.; Д. 1071. Л. 5 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 277. Оп. 2. Д. 1783. Л. 1–2, 8.

²⁵ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3264. Л. 14–16.

²⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 953. Л. 65.

²⁷ ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 347. Л. 95 об.

Г. Н. Ульянова

МОСКОВСКИЕ КУПЦЫ — ВЛАДЕЛЬЦЫ ФАБРИК И МАСТЕРСКИХ: ПО ДАННЫМ СКАЗОК V РЕВИЗИИ 1795 г. *

Ревизские сказки московского купечества конца XVIII — первой половины XIX в. дают представление не только о демографических показателях купеческих семейств, но также в большей или меньшей степени содержат сведения о предпринимательской деятельности.

В нашей статье будет представлен анализ статистических данных о выявленной по ревизским сказкам V ревизии (прошла в Москве летом и осенью 1795 г.) группе купцов, по роду занятий обозначенных нами как «владельцы предприятий — фабрик, заводов, мастерских, мельниц и огородов», — то есть занятых производством товаров на рынок. Всего в эту выборку, сделанную по IV тому «Материалов для истории московского купечества», вошло 634 семейства¹.

В ревизских сказках их род занятий обозначался так:

— «завод имеет медный» («пивоваренный», «кожевенный», «кирпичный», «свешной сальной»);

— «состоит за ним ситцевая фабрика», «имеет красильную фабрику», «фабрику имеет суконную, кумачную и крашение шелков»;

— «мастерство имеет серебряное» («лентошное», «кушашное», «шелковое», «ситцевое», «каламеношное», «стамедное», «сапожное», «башмачное», «портное», «шляпное», «шубное», «перчаточное», «голишное», «медное», «каретное», «шорное», «кузнечное», «обрушное», «серебряное», «золотое сусальное», «семилёровое», «позументное», «снурочное», «золотарное по дереву», «часовое», «иконное», «столярное», «оконишное», «обойное», «каретное», «санное», «гончарное», «стульное», «клееночное», «скорняжное», «гребенное», «переплетное», «свечное вошаное», «табачное», «кондитерное», «хлебное», «садовое» и др.), «мастерство производит портное», «имеет тележное мастерство»²;

— «промысел имеет портное русское мастерство», «промысел имеет платочный набойный»; «промысел имеет содержанием мучной мельницы», «промысел имеет кружевной» («чулошной», «конфетной», «плотничной»);

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 15-01-00362 «Демографическая история московского купечества по ревизским сказкам III–X ревизий (1762–1858 г.): брак и семья, рождаемость и смертность, социальная и территориальная мобильность».